

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ «ЦАРЕВНА»

О. Г. Усенко

В статье реконструируется биография монахини-«раскольницы» Деворы, которая долгое время и не без успеха выдавала себя за дочь царя Алексея Михайловича. Первые сведения о ней ввёл в научный оборот А. Д. Тельчаров. Однако он изучил только одно архивное дело, связанное с Деворой, поэтому, говоря о ней, не смог избежать ошибок, хотя и сообщил ряд важных сведений¹.

Настоящее имя и жизнь самозванки до принятия ею пострига неизвестны. Можно лишь предположить, что она была родом из Нижегородского или соседнего с ним уезда. Основанием служит неподтверждённый извет «раскольника» В. В. Коренного на муромца Г. Ф. Пашина, который «в разговорах наодине сказывал ему, Коренному: "Как де я в прошлых годах был в Керженце за Волгою у своего согласия", – и того де ево согласия сказывали ему: которая де царевна тамо у них в Керженце жила, и она де не царевна, но дворянского чину, и знают де они отца её и мать и свойственников»².

Под «своим согласием» Г. Ф. Пашин имел в виду «поповщину». К этому направлению «староверия» принадлежала и Девора³. Говоря о её подлинной «ипостаси», нужно добавить, что она «умела грамоте»⁴. Правда, мы не знаем, приобрела ли она это умение до перехода в монашество или после. Не известно также, когда и при каких обстоятельствах приняла она постриг. Не исключено, что и в качестве монахини, с точки зрения официальной церкви, Девора была самозванкой, то есть была пострижена «раскольниками» втайне.

Уже примерно в 1706/1707 гг. (Г. Ф. Пашин говорил в январе 1737 / весной 1738 г.⁵, что это было «тому лет с тритцать и болши») «оная Девора с протчими старицами жила в Керженском лесу за Пафнутневым починком в кельях»⁶. Скорее всего, там она и «проявилась» – публично заявила о своих претензиях на высочайший статус. Утверждать это позволяет предание, записанное А. В. Морохиным 5 июля 1995 г. в д. Малое Зиновьево Семёновского района Нижегородской области от А. В. Куприяновой (1912 г. р.): «А здесь у нас на Керженце в старину и царица жила – говаривали, из Москвы сбежала и у нас от мучителей хоронилась»⁷. Нужно только уточнить, что Девора являлась не «царицей», а «царевной» – для почитателей она была «старых де царей дочь», «родная дочь царя Алексея Михайловича» и «Государыня царевна Наталья Алексеевна»⁸.

Кажется странным, что Девора, будучи «раскольницей», выдавала себя не за кого-нибудь, а за любимую сестру Петра I («Антихриста» в глазах «староверов»⁹), которая чуть ли не первая из русских женщин стала жить и вести себя на западный манер. К тому же молва обвиняла Наталью в том, что она рассорила Петра с его первой женой¹⁰.

Всё объяснимо, если допустить, что Девора изображала не ту царевну, которая жила при Петре Великом, а другую – «подлинную».

С начала XVIII в. по стране гуляла молва, будто Пётр – «ложный» царь¹¹. Был уверен в этом и знакомый с Деворой старец Пахомий. Вот что он говорил своим сподвижникам: «...слышал де он, Пахомий, в Москве от некаких людей про Первого императора, что де он, император, царю Алексею Михайловичу был не родной сын, но подметной, а имянно от еллинского рода немецкого от дому Лафертова. И как де он, Пахомий, от тех людей в Москве слышал, и то де сущая

правда...»¹² В связи с этим стоит учесть, что в одном из вариантов данной молвы «немчиком» подменила Петра его мать – Наталья Кирилловна¹³.

Почему бы не допустить, что Девора тоже использовала мотив подмены, когда создавала свою мифическую биографию? Вероятно, она рассказывала, что и её вскоре после рождения заменили «немкой» и отдали на воспитание в дворянскую семью, причём сделали это по приказу Натальи Кирилловны. Последнюю, кстати, муромско-вязниковские «раскольники» (если не все, то часть их) считали поборницей «старой веры»¹⁴.

Далее, можно полагать, что Девора отождествила себя с царевной Натальей Алексеевной лишь после смерти последней – после 18 июня 1716 г. и что именно её кончина подтолкнула Девору к самозванству. Дело в том, что похороны царевны были отложены более чем на год. Так велел Пётр I, который в январе 1716 г. уехал за границу и не мог вовремя попрощаться с любимой сестрой. По его указу тело царевны хранилось в леднике до ноября 1717 г.¹⁵ Затяжка похорон могла быть воспринята в народе как доказательство неправославного происхождения умершей. По крайней мере Девора могла и сама прийти к такому выводу. Отсюда и предположение, что «царевной» она стала примерно в 1717 или 1718 г.

Первыми её признали, вероятно, монахини Анфиса, Иринарха и Авдотья, которые и в 30-х гг. находились при ней¹⁶. Причём Авдотью (в миру – «девку» Евдокию) Девора «постригла собою»¹⁷ (правда, не известно – до «проявления» или после).

Лжецаревна установила связи с муромско-вязниковскими «староверами». Г. Ф. Пашин «ту царевну знал ещё тогда, как де она жила в лесовых кельях в Керженце за Волгою, и подьячей Александр Гарасимов (тоже муромец. – О. У.) знали ж»; «и в то время он, Пашин, в те кельи ездил к оным старицам для подачи милостыни раза с три»¹⁸.

Но и сама Девора совершала путешествия. Она несколько раз посещала Вязники, где жила у вдовы Т. Ф. Турицы¹⁹. Вероятно, по пути туда самозванка останавливалась в Муроме у тамошних «староверов» (раз так делала в начале 1730-х гг.). Возможно также, что вместе с ними не позднее 1730 г. она съездила в Польшу – в старообрядческую общину Ветка. В 1734 г. Д. Железников и Ф. Мяздриков поведали В. Коренному: «...В поповщине де они стоят потому, что они, Железников и Мяздриков, ездили с протчими... в местечко Ветку и взяли де там от старых благочестивых попов о том устав, и благословение, и причастие; и по оным де их уставом и благословиению в том согласии поповщине они утвердились и причастием с протчими своими согласники причащаютца сами в доме ево, Железникова»²⁰.

Возможно, что лжецаревна путешествовала и по Нижегородскому уезду. Судя по двум доносам 1740 г., она останавливалась во владениях И. П. Мошкова – в с. Никольском (Каменка), д. Анкудиновке и д. Кутеминой. Правда, в доносах она фигурирует лишь как «самозванка» и «Кутеминская царица»²¹.

Примерно в 1730 г. Девора переселилась в лесах Муромского уезда «за Окою рекою». Она и её соратницы покинули Керженец потому, «что в том лесу кельи их згорели»²² (видимо, были уничтожены «сыщиками»). Однако переселение могло быть вызвано и недоверием к самозванке в среде керженских «староверов» (см. выше извет В. Коренного на Г. Пашина). В Муромском скиту, помимо «стариц» Анфисы, Авдотьи (Евдокии), Иринархи, с Деворой жили и другие приверженцы «согласия поповщины», – «старицы и трудники», «черницы, и белцы, и белицы»²³.

[с. 105]

Кстати, с Иринархой можно отождествить «старицу» Ирину (Арину), которая в декабре 1731 г. была в гостях у крестьянина И. Аврамова в с. Ивонино Муромского у. и говорила В. Коренному, что она и её соратницы «живут де в муромских лесах в кельях близ означенной старицы и тое старицу за царевну почитают же». На вопрос, почему Девора считается великой особой, Ирина с И. Аврамовым ответили, «что де они её за царевну почитают,

смотря на муромских жителей на Павла Петрова сына Самарина да на означенных Железникова, Мяздрикова, понеже де и они за царевну её почитают же». При этом Ирина сообщила В. Коренному, «что ежели де он желает их келей посмотреть, то б де он поехал в Муром к означенному Павлу Самарину и попросил бы ево, чтоб он ево, Коренного, в муромския леса кь их кельям велел бы кому проводить, то де он, Самарин, ево, Коренного, кь их кельям проводить велит. А оной Самарин их кельи знает и оной де старице, также и к ней, Арине, в кельи присылает с своими дворовыми людьми милостыню»²⁴.

По словам «девки» М. Васильевой (декабрь 1731 г.), которая «у той старицы жила 3 год», Девора «царевною себя называет, и тое де старицу все живущия в муромских лесах старицы и белицы за царевну почитают. Да к той же старице присылают всякого съесного припасу муромцы вышеозначенные Данила Железников, Фёдор Мяздрик и Павел Самарин для того, что де оныя муромцы с тою старицею в расколе поповщине согласны, и оны де муромцы за царевну её почитают же»²⁵. Г. Ф. Пашин даже стал проводником к скиту самозванки – после того, как в начале/середине 1732 г. он «к той Деворе в кельи провожал жить» свою сестру Марью и дал «милостыню» отшельницам²⁶. В лесу «царевну» навещал и вязниковец Ф. П. Малюшин. В 1732 г. «в зимнее время» (видимо, в конце года) он привозил обитателям её скита «на пропитание всякого хлебного запаса». Возможно, в его биографии это был не единичный случай.

В 1731/1732 г. в скиту «царевны» появилась монахиня Анисья. В начале 1732 г. Девора привезла в лес дочь И. Ф. Бирюкова «девку» Прасковью. Последняя «жила у ней, старицы, в ските с полгода», и хотя верила, что «она де старица – не простая: она де царевна», тем не менее пошла Деворе наперекор. Вот как Прасковья вспоминала об этом: «...и хотела де меня постричь, токмо де я постригца сама не захотела и уехала де домой по-прежнему»²⁷.

В 1732 г. некоторое время «жили в одном ските с старицею Деворою и на неё стряпали» Д. и П. Афанасьевы – беглые крестьяне князя С. Г. Долгорукова из д. Польце Муромского уезда. Но к апрелю 1736 г. они уже пребывали в скиту «расколоучителя»-«беспоповца» Пахомия²⁸. Не исключено, что между 1731 и 1734 г. при Деворе на положении «бельца» жил какое-то время и «расколоучитель»-«поповец» П. Плешковский (раз позднее бывал в её скиту)²⁹. В тот же период «у той Деворы жил же и строил кельи» И. Фролов Большой – крестьянин д. Высокой Муромского уезда (вотчина Троице-Сергиева монастыря). Потом он был проводником до скита «царевны» и привёз туда свою сестру Фёклу (по её просьбе). Старица Анфиса её постригла, дав имя Федосья³⁰.

Известно, что и самозванка «постригла собою девок двух» (речь о монахинях Авдотье и Анисье). «Да она де Девора в праздники Господския пекла сама просвиры и раздавала в ските своём всем имеющимся старицам и белицам, вмняя вместо антидора»³¹. Благодаря многочисленным подношениям и пожертвованиям самозванка весьма разбогатела. Она купила у некоего Гостева землю в муромских лесах (видимо, «за селом Шиморским»), где начала строить новые кельи. Вероятно,

[с. 106]

туда и перешли её сподвижницы после того, их скит «разных вотчин крестьяня... сожгли» (май 1734/конец 1735 гг.)³².

Богатство лжецаревны также удостоверяло её «подлинность». Вот как рассуждал, к примеру, «расколоучитель» Б. Словоуший (крестьянин д. Петриной дворцовой Ярополческой волости): «У простой де столко денег не будет; либо де она царица, либо царскова рода»³³. До конца 1731 г. Девора съездила в Москву. Крестьянин д. Шустовой Муромского уезда И. Емельянов рассказывал В. Коренному (декабрь 1731 г.), что «возил де он старицу, ... которая де называла себя царевною, из Мурома в Москву... А что де та старица подлинно царевна, о том де ему подлинно ведомо от муромских жителей от Данила Железникова и Фёдора

Мяздрикова. И как де он, Иван, тое старицу привёз в Москву, и в дом де, в котором она жила, приезжали знатные господа к той старице на поклон. И для того де он, Иван, тое старицу признавает за царевну». Далее он уточнил, «что де она старца в Москве жила в монастыре в каменной полате, а в котором монастыре и какия господа приезжали, того имянно не сказал». Позднее И. Емельянов дополнил, что он «из Муром потаённую царевну возил в Москву з другими некоими, а не один, а с кем – того не сказывал...»³⁴.

В декабре 1731 г. Девора «приезжала в Вязниковскую слободу из муромских лесов из скита своего» и жила у местных «поповцев». Её принимали Ф. Малюшин, И. Тимофеев, сёстры Д. и А. Астафьевы, Д. Илпатова, А. Савельева, Н. Малахов. Привечали её и в других домах³⁵ – возможно, у И. А. Лысова (приказчика Ф. Малюшина) и у И. В. Серебрякова, ибо те в 1732 г. говорили о ней как о царевне³⁶.

Путь от скита до Вязников и обратно лежал через Муром³⁷, поэтому в нём, скорее всего, самозванка бывала не раз. В конце 1732 г. тесть П. Самарина Иван рассказывал В. Коренному, «что де которая из муромских лесов старца-царевна староверка когда того города Мурома в доме у вышеписанного Данила Железникова бывала, и ту де царевну зять ево Павел Самарин, и Фёдор Мяздриков, и муромской же де их камисар Осип Иванов сын Названов, и муромцы ж де Иван Стулов и Григорей Фёдоров сын Пашин с протчими за царевну почитают подлинно...»³⁸. Нечто подобное весной 1735 г. В. Коренной слышал и от «раскольника» А. В. Синцова в доме у крестьянина С. Кузьмина (д. Сенчукова Муромского уезда): «Как де в муромских лесах в расколнических кельях жила черница (имяни её не сказал), и та де черница называла себя царевною, и муромцы де Данила Железников, Фёдор Мяздриков и Александра Гарасимов тое черницу знали и за царевну её почитали, и в доме де у Железникова та черница бывала, того де ради и пожитки её в доме у него лежали». С. Кузьмин добавил, что и он «у той черницы был и с протчими людьми... к руке прикладывался, для того что де те люди почитали её за царевну»³⁹.

Видимо, в начале 1732 г., «едуци из Вязников в скит свой», Девора заехала в с. Богоявленское Владимирского уезда к тамошним крестьянам-«староверам» Ф. Г. и И. Ф. Бирюковым и взяла с собой дочь последнего – «девку» Прасковью⁴⁰. По мнению следователей, «старицу Девору... все живущия в том её ските черницы и белцы и белицы, и вышеозначенные вязниковцы, и протчие, которые тое Девору знали, называли царевною и прикладывались к руке её, Девориной, вменяя подлинно за царевну»⁴¹.

Однако её поддерживали далеко не все муромско-вязниковские «раскольники». Явными сторонниками самозванки, по всей видимости, были только местные «поповцы». Что же до «беспоповцев», то для них Девора была дочерью первого

[с. 107]

царя, ставшего воплощением Антихриста. Так смотрели на Алексея Михайловича и сторонники «нетовщины»⁴², и «перекрещиванцы»⁴³, и Пахомий с его «согласниками»⁴⁴, и представители иных «толков»⁴⁵. Тем не менее среди «беспоповцев» была группа «сочувствующих» лжецаревне (знали о ней, но не доносили и даже рассказывали другим, хотя указ от 10 апреля 1730 г. грозил за это смертью⁴⁶). Речь идёт о соратниках Пахомия – они не считали «поповщину» ересью, враждовали с «перекрещиванцами» и спорили с приверженцами «нетовщины»⁴⁷.

Видимо, не случайно вязниковец и «записной раскольник» («беспоповец»?) Г. Н. Котельников и его жена А. Афанасьева принимали у себя и Пахомия⁴⁸, и Девору⁴⁹. Сходным образом Д. Железников привечал не только «царевну», но и сторонников Пахомия⁵⁰. Вспомним также Д. и П. Афанасьевых, живших сначала у Деворы, а потом в соседнем скиту. Обратный пример являют старицы Маргарита и Пелагея, жившие с Пахомием «в унженских лесах» и после разорения их скита пришедшие к Деворе (осень 1733/начало 1734 г.)⁵¹.

Мы знаем о двух диспутах между «поповцами» и «беспоповцами» – оба были в Муроме: один – в доме П. Самарина (конец 1732 г.)⁵², другой – в доме земского писаря А. Герасимова (6 января 1734 г.)⁵³. Девора почему-то на них не была. Возможно, тому виной было господство патриархального сознания – в России XVIII в. любая женщина (даже на троне!) воспринималась как неполноценное существо⁵⁴.

Примерно в конце 1733 г. Девора прямо из лесного скита «уехала с пришедшим к ней ис Полши дьячком... в Полшу на реку Ветку в монастырь». С собой «царевна» взяла старицу Анфису. По пути она остановилась (как обычно?) у Ф. Г. Бирюкова в с. Богоявленском: «И оной Бирюков с сыном и с прилучившимися подлинно её за царевну почитали»⁵⁵. Затем, по идее, самозванка должна была проехать через Муром. В январе/феврале 1734 г. она какое-то время жила в Вязниках – сначала остановилась у Дарьи Астафьевой, потом переехала к её сестре Анне. Интересно, что «она старика, будучи у вышепомянутой вдовы Анны, ходила белицею девкою в шапке и в юпке». Затем самозванка перебралась в дом Т. Турицы. В этот период с ней также общались и «почитали её за царевну» вдова Фетинья, Рукавишниковы, Малаховы, Котельниковы «и другия вязниковцы». «И говорила де она, что хочет ехат в Москву к дочери помянутой Дарьи Остафьевой, которая ту царевну знала ж...»⁵⁶. Дальнейший путь «царевны», видимо, лежал в Стародуб и пограничные с Польшей леса (именно так ехали её соратницы, покинувшие скит примерно в мае 1734 г.⁵⁷).

Если критически сопоставить и обобщить путанные и частично ложные показания арестованных соратниц Деворы, то её жизнь после отъезда в Польшу была такой. Примерно с весны/лета 1734 г. она живёт в Ветке с Анфисой. Позднее к ним присоединяются Авдотья, Анисья и «девка» М. Пашина. Последняя там принимает постриг и получает имя Маланья. В начале 1735 г. Маланья и Авдотья отправляются обратно в Муромский уезд⁵⁸. Скорее всего, это они сообщили новость, что «царевна», вернувшись в Россию, сменит место жительства.

Весной 1735 г. «расколоучитель» В. Шивка (крестьянин д. Селивановой Муромского уезда) в доме у вышеупомянутого С. Кузьмина говорил В. Коренному: «В муромских де лесах жила старика, которая называла себя царевною... и ис тех де муромских лесов ездила в Полшу... а ныне де она ис той Полши выехала и хочет поселитца в кадомских лесах, которые от города Касимова в близости, о чём ведают и муромцы Данила Железников и Фёдор Мяздриков»⁵⁹. (В то время

[с. 108]

«кадомские леса» были «от Пахомиева скита... в сороке верстах»⁶⁰. Стало быть, от скита Деворы до них было 65 вёрст).

Примерно в то же время В. Коренному говорил «некто потаённый расколник, которого зовут Прокофьем (сын Д. Железникова? – О. У.), которой Прокофей и сам знал про ту их расколницу царевну, как де она жила в муромских лесах: да и ныне де слышно ему, Прокофью, что та царевна ис Полши выехала и хочет поселитца в кириловских лесах в Керенском, понеже де те лесы великии и крепких мест много...»⁶¹.

Можно полагать, что жизнь Деворы в Ветке не была безмятежной. Это следует из беседы, состоявшейся в конце 1736/начале 1737 г. между беглым попом-вязниковцем И. Васильевым (жил в Ветке, был схвачен там в 1735 г., но сумел вернуться домой) и Б. Словущим: «И... расколнической учитель Борис Словущей сказывал ему, Ивану: "Была де здесь у нас старика – очень богата и денег много; знатно де, она не простова рода – царскова". И он, Иван, ево спросил: "Не Деворой ли её зовут?". И тот же Словущей сказал: "Знатно де, что так зовут". И он же, Иван, говорил ему: "Та де старика – воровка и обманщица". И тот Словущей сказал: "У простой де столко денег не будет; либо де она царица, либо царскова рода"»⁶².

Во время «первой выгонки» обитателей Ветки (лето 1735 г.) Деворе удалось ускользнуть от российских солдат. Примерно к середине ноября/середине декабря 1735 г. она со свитой

тайно добралась до слободы Мглинки Почепского уезда, где нашла приют у войта Ф. Ларионова, который «высланных из местечка Ветки российского народу разных чинов людей расколщиков... не токмо [не] ловил, но от того их охранял и тайно близ той слободы в лесу содержал». О встрече с Деворой он, судя по доносу, рассказывал так: «...Ехала некоторая монахиня с немалым людством, а сказывала де про себя, будто она бывала Государыня царевна Наталья Алексеевна, и жила в местечке Ветке, и ис того местечка ехала в Москву, а из Москвы де поедет жить к Мурому в леса, понеже де в тех лесах имеетца незнамо какая пустыня»⁶³. Бывший войт «говорил же, что де та ж монахиня ему, Ларионову, говорила: "Нужно де мне доехать в Москву до дядюшки"⁶⁴, – а до кого имянно, не выговорил». Правда, на следствии он сознался лишь в том, что «были у него, Ларионова, расколнической слободы Елейки расколницы черницы человек с шесть (а имен их не знает) для прошения милостыни, и он де, Ларионов, тех расколниц в доме у себя накормил, и оныя расколницы у него начевали одну ночь и пошли в означенную слободу Елейку по-прежнему»⁶⁵.

То, что Девора не вернулась в Муромский уезд и что сведения о ней исчезают, можно объяснить следующим образом: по пути в Москву она была схвачена и, в соответствии с указами⁶⁶, как «раскольница»-монахиня из Ветки сослана в монастырь под строгий надзор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тельчаров А. Д. Вязниковская слобода (Из первоначальной истории города Вязники). М., 1999. С. 39–42.

² Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 351 об.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 606 об.

[с. 109]

⁵ Там же. Л. 601; Д. 623. Л. 1–1 об.

⁶ Там же. Д. 1107. Л. 604 об.

⁷ Благодарю А. В. Морохина за любезно предоставленные сведения.

⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278, ч. 10. Л. 153 об., 154 об.; Ф. 349. Оп. 1. Д. 656. Л. 10; Д. 1107. Л. 495, 497.

⁹ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства... Казань, 1859. С. 105–108, 124; РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 206 об., 210 об., 219–220, 353, 358, 636 об.

¹⁰ Грачёва И. Царевна Наталья // Нева. 2001. № 7. С. 222–223.

¹¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 100–110.

¹² РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 219.

¹³ Чистов К. В. Указ. соч. С. 102–104.

¹⁴ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 25 об. – 26 об.

¹⁵ Павленко Н. И. Пётр Великий. М., 1994. С. 374, 380; Грачёва И. Указ. соч. С. 226.

¹⁶ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 606.

¹⁷ Там же. Д. 558. Л. 148 об.; Д. 1107. Л. 37.

¹⁸ Там же. Д. 874. Л. 50 об.; Д. 1107. Л. 604 об.

¹⁹ Там же. Л. 498 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 164–164 об.

²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272, ч. 16. Л. 393 об. – 394; Ф. 349. Оп. 1. Д. 1228. Л. 3, 4, 17–20.

²² РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 132; Д. 1107. Л. 11, 12 об., 606.

²³ Там же. Д. 558. Л. 148; Д. 623. Л. 2; Д. 1107. Л. 12–12 об., 36–36 об., 606.

²⁴ Там же. Д. 1107. Л. 12–12 об., 606–607.

²⁵ Там же. Л. 12 об. – 13.

²⁶ Там же. Л. 41, 604 об. – 605; Д. 623. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Д. 558. Л. 148–148 об.; Д. 1107. Л. 37–37 об., 600 об., 605 об., 609 об.

²⁸ Там же. Д. 558. Л. 140, 179 об.; Д. 1107. Л. 37–37 об., 601. Пахомий сначала укрывался «в Вязниковском уезде за селом Меленками в лесу» («в унженских лесах за селом Мелинками»).

Примерно в конце 1732 г. его скит уничтожили солдаты. Тогда Пахомий поселился в 15 верстах от скита лжецаревны («в том же лесу за речкою Железницею»). В 1733 г. он и его соратники «переселились на другое место вёрст з десять». См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278, ч. 10. Л. 154; Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 2 об., 15 об. – 18 об., 128 об., 132, 146, 158; Д. 623. Л. 2; Д. 874. Л. 60–60 об.; Д. 1107. Л. 35 об. – 36, 211, 219.

²⁹ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 128 об., 132–132 об., 140–140 об.

³⁰ Там же. Д. 558. Л. 140; Д. 1107. Л. 35 об., 36, 606 об.

³¹ Там же. Д. 558. Л. 148 об.; Д. 1107. Л. 37.

³² Там же. Д. 623. Л. 1 об., 3 об.; Д. 1107. Л. 606–606 об.

³³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272, ч. 16. Л. 44.

³⁴ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 623. Л. 2; Д. 874. Л. 71 об. – 72; Д. 1107. Л. 11–11 об., 606 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 148; Д. 1107. Л. 36 об., 600–600 об., 609 об.

³⁶ Там же. Д. 1107. Л. 13–13 об.

³⁷ Там же. Д. 558. Л. 133.

³⁸ Там же. Д. 874. Л. 50–50 об.

³⁹ Там же. Д. 558. Л. 167 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1107. Л. 37 об.

⁴¹ Там же. Л. 36 об.

⁴² Там же. Л. 205 об.

⁴³ Там же. Л. 204, 205 об., 214 об., 636 об. – 637.

⁴⁴ Там же. Д. 558. Л. 16 об.; Д. 1107. Л. 8, 220 об., 358 об., 360, 636–636 об.

⁴⁵ Там же. Д. 1107. Л. 2–2 об., 204, 355, 358–359 об., 636 об. – 637.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278, ч. 10. Л. 155–155 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 140, 149, 158 об., 160 об., 161 об., 164 об., 165 об., 167 об.; Д. 1107. Л. 13 об. – 14, 37 об., 204 об. – 211 об., 362, 366–366 об., 497, 498 об., 597.

⁴⁸ Там же. Д. 1107. Л. 224, 636–636 об.

⁴⁹ Там же. Д. 558. Л. 165 об.–166.

⁵⁰ Там же. Л. 133, 146–146 об.; Д. 1107. Л. 37 об.

⁵¹ Там же. Д. 558. Л. 146.

⁵² Там же. Д. 874. Л. 48 об. – 50 об.

⁵³ Там же. Д. 558. Л. 3–3 об., 18 об. – 19 об., 161 об. – 164 об., 172–174, 175 об.; Д. 623. Л. 5–6; Д. 1107. Л. 579 об. – 582 об.

⁵⁴ Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 64–68, 493.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278, ч. 10. Л. 154–154 об.; Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 159 об., 165 об.; Д. 623. Л. 2; Д. 1107. Л. 36–36 об., 600 об., 605 об.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 165 об.–166; Д. 1107. Л. 497, 498 об.

⁵⁷ Там же. Д. 1107. Л. 36–36 об., 605 об.

⁵⁸ Там же. Л. 605–607.

⁵⁹ Там же. Л. 13 об. – 14.

⁶⁰ Там же. Д. 558. Л. 140 об.

⁶¹ Там же. Д. 874. Л. 72.

⁶² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272, ч. 16. Л. 43 об. – 44.

⁶³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278, ч. 10. Л. 152–153 об.; Ф. 349. Оп. 1. Д. 656. Л. 10.

⁶⁴ Возможно, «дядюшка» – К. А. Нарышкин, троюродный брат матери Петра I. В 1716–1719 гг. он был московским губернатором, и один из вязниковцев ему «подавал доношение... в краже государевой казны» (РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 362 об. – 363). Правда, К. А. Нарышкин умер в 1723 г.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278, ч. 10. Л. 152 об. – 153, 154.

⁶⁶ Старообрядчество: светское и церковное законодательство: XVII–XVIII вв. Арзамас, 2001. С. 32.

OLD-BELIEVER'S TSAREVNA

O. G. Usenko

The article based on archival materials describes the life of unknown yet woman-impostor who operated in the first half of the XVIII-th century. The question is about certain “age nun Devora” who has being an “old-believer” was hidden in Kerjenets’ and Murom’ woods and for a long time gave herself out successfully for tsarevna Natalia Alekseevna, sister of Peter I. In this quality she was an outstanding figure of the “Russian schism” – she headed a secret community of Murom’s and Viazniki’s “popovtsi” (“priesters”) and probably was one of leaders of the “popovtshina” in Russia as a whole. Last assumption is based on fact that the false tsarevna cooperated actively to adherents from other regions of Russia, travelled repeatedly on the country and went abroad – in well-known “schismatic” large village Vetka in the territory of Poland-Lithuania.

[c. 111]
